
Н.Е. Никонова, Е.С. Хило

НЕМЕЦКИЕ ЖИЗНЕОПИСАНИЯ С.А. ЕСЕНИНА

Интерес к С.А. Есенину в немецкоязычном пространстве, возникший еще при жизни поэта и воплотившийся, прежде всего, в переводческой и критической рецепции, после объединения Германии сместился в сторону личной жизни русского автора. Данная статья посвящена трем биографическим описаниям Есенина, опубликованным в 1992, 1996 и 2008 гг., которые отражают современный этап восприятия жизни и творчества поэта в Германии и создают определенный биографический миф, во многом самостоятельно инкорпорированный русским автором при жизни.

Ключевые слова: С.А. Есенин, жизнеописание, биографический миф, Ф. Мирау.

Биография как описание жизни человека является, прежде всего, литературным жанром, реализующим цель знакомства с первичной социологической информацией конкретной персоны. В зависимости от стиля повествования и целевой группы биография может быть научной, публицистической, художественной. Отдельного внимания заслуживает жанр автобиографии, текст которой создает сам субъект описания. Зачастую именно автобиографии становятся источником биографических мифов и легенд, творимых писателями и поэтами. Вопросом о необходимости изучения биографических мифов, ставших объектом особого внимания исследователей в последние десятилетия, задался Б.В. Томашевский еще в 1920-е гг. в статье «Литература и биография». Выделяя документальную биографию и творимую автором легенду, ученый только вторую считал подлинным литературным фактом: «Своим созданиям поэт предпосылал не реальную – послужную свою биографию, а свою идеальную биографическую легенду. Для историка литературы только она и важна для воссоздания той психологической среды, которая окружала эти произведения, и она необходима постольку, поскольку в самом произведении заключены намеки на эти биографически-реальные или легендарные, безразлично – факты жизни автора» [1. С. 6]. Понятийное определение биографического мифа попыталась дать Д.М. Магомедова, назвав его исходной сюжетной моделью, получившей в сознании поэта онтологический статус, рассматриваемой им как схема собственной судьбы и постоянно соотносимой со всеми

событиями его жизни, а также получающей многообразные трансформации в его художественном творчестве [2. С. 67].

Биографический миф С.А. Есенина является ключевым направлением в исследовании его жизнеописания. В российском литературоведении биографическими разысканиями поэта занимались Ю.Л. Прокушев, П.Ф. Юшин, С.П. Кошечкин, В.Г. Базанов, Е.Н. Гусяров и др. Д.М. Магомедова в двух научных статьях¹ раскрывает литературные маски поэта, показав себя осведомленным библиографом Есенина. Новый всплеск интереса к персоне поэта пришелся на 2005 г. и был связан со 110-летием со дня рождения и 80-летием со дня смерти. Снятый в этом году многосерийный фильм «Есенин»², начатые исследования В.А. Мешкова, воплотившиеся в книгу «Убийство Есенина – преступление государства. Сергей Есенин – крымские страницы» [3] и многочисленные статьи в сети Интернет [4] посвящены обстоятельствам смерти поэта. В Германии же интерес к жизнеописанию поэта возник в 1990-е гг., именно в это время можно говорить о комплексном подходе к исследованию его личности и наследия в Германии. На сегодняшний день известны три книги, посвященные биографическому описанию С.А. Есенина:

1. Sergej Jessenin / Fritz Mierau. Leipzig: Reclam, 1992. 555 S. = Сергей Есенин / Фритц Мирау. Лейпциг: Реклам, 1992. 555 с.

2. Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin / Carola Stern. Berlin: Rowohlt, 1996. 172 S. = Айседора Дункан и Сергей Есенин: поэт и танцовщица. Берлин: Ровольт, 1996. 172 с.

3. Dionysos in Sparta: Isadora Duncan in Russland; eine Geschichte von Tanz und Körper / Natalia Stüdemann. Bielefeld: Transcript, 2008. 161 S. = Дионис в Спарте: Айседора Дункан в России; история танца и тела / Наталия Штюдeman. Билефельд: Транскрипт, 2008. 161 с.

Способы представления С. Есенина в этих изданиях различны: от полного описания его судьбы в первой книге, соотношения двух личностей во второй до представления поэта как части русской культуры, которую хотела завоевать А. Дункан.

«Загадка русской поэзии. Сын крестьянина из Рязани в рубашке с вышивкой, лаптях, с гармонью. Пастух, случайно оказавшийся в городе? Новый пророк, который посвящает свое видение другого

---

¹ См. [2]: Магомедова Д.М. «Я один... И разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина. Статья вторая // Новый филол. вестн. 2006. № 2. С. 74–84.

² Режиссер И. Зайцев. 2005. Первый канал.

мира бесцеремонному Иеремии? „Небесный барабанщик“ революции, провозглашающий крестьянскую страну? Элегантный хулиган в лаковых ботинках, ярком галстуке, цилиндре – как певец Пугачева, двадцати шести комиссаров и того самого „Черного человека“, который ему предвещает конец?..» [5. S. 556]. Такой образ Есенина встречает читатель на суперобложке единственного в своем роде полного биографического немецкоязычного издания, рассказывающего о судьбе русского поэта. Автором книги «Сергей Есенин» стал известный немецкий славист, литературовед и переводчик Фритц Мирау (Fritz Mierau, род. в 1934). Русская литература и культура красной нитью проходят через всю его жизнь. Русский язык Мирау начал изучать в детстве благодаря отцу, считавшему необходимым знать язык «власти-покровителя» [6]. Интерес к русской литературе возник во время изучения славистики в Берлинском университете им. Гумбольдта. Учебник, по которому занимались студенты, был похож на краткий курс школьной программы и из-за господствовавшей политической ситуации, искажавшей многие факты, по собственному признанию Мирау, он задался целью представить немецкому читателю настоящую русскую авангардистскую литературу [7. S. 64], среди представителей которой особое место занимает С.А. Есенин.

При подготовке биографии русского поэта Мирау изучил более восьмидесяти источников, опубликованных с 1920 по 1988 г., на русском, английском, немецком, французском языках. Базу составляют русские издания, среди которых исследования таких значимых отечественных есениноведов, как Ю.Л. Прокушева, П.Ф. Юшина, А.А. Марченко, С.П. Кошечкина, В.Г. Базанова и др. Книгу Мирау можно назвать небольшой энциклопедией истории и культуры XX в., которая содержит более сотни фотографий Есенина, его современников и родственников, указатель упомянутых имен, стихотворений и сборников поэта, литературных обществ и объединений, издательств, газет и журналов, альманахов, деклараций и манифестов. Большое значение уделено письмам, адресатом и адресантом которых выступал Есенин, они связывают все повествование, помогают прочувствовать атмосферу начала XX в., тем самым делая читателя сопричастным описываемым событиям. Данный в книге широкий контекст исторической, по-

литической, литературной жизни в стране помогает читателю разобраться в сложных перипетиях жизни поэта.

Книга Ф. Мирау состоит из двенадцати глав и эпилога, ее композицию определяют сначала хронологические и пространственные координаты жизни Есенина, а позже и поэтические творения:

1. Константиново. Спас-Клепики. 1895–1912. Детство и юность в деревне.

2. Москва. 1912–1915. Подготовка.

3. Петроград. 1915–1916. Выход на сцену. «Радуница».

4. Царское село. 1916–1917. В армии. Во дворце.

5. «Россию я исколесил вдоль и поперек...» 1917. Февральская революция. «Скифы».

6. Из Петрограда в Москву. 1917–1918. Октябрьская революция. «Инония».

7. Москва. 1919. «...Лучшее время моей жизни...». Имажинизм.

8. Москва. 1919–1920. Мирный мятеж (Der fröhliche Aufruhr). «Трерядница». «Сорокоуст», «Исповедь хулигана».

9. Европа – Азия. 1921. «Пугачев».

10. «Мы завладеем всем миром!» 1921–1923. Время с Айседорой Дункан.

11. Возвращение на Родину. 1923–1924.

12. Последний год. «Страна негодяев», «Черный человек».

Представление русского поэта начинается с обозначения главной черты характера – мягкости, населяющей душу бунтаря. «Русский мятежник, которого после Пушкина все боялись и из страха сильнее преклонялись перед ним, был частью Есенина. Но поэт не был глашатаем, пророком или судьей бунта, он представлял его нежный образ („sanfte Gestalt”)» [5. S. 5]. Эта характеристика является единственной, выражающей личное мнение автора, во всех других случаях Есенин описывается опосредованно, через восприятие третьих лиц, будь то друзья, соратники, жены или родственники поэта. Особое значение составляют автобиографии поэта, написанные им в 1922, 1924, 1925 гг. Они, наряду с письмами Есенина, создают живой образ поэта, выражают его мысли, чувства, переживания. Изменения, «рост» внешнего и внутреннего мира оказались привлекательными для Мирау, им он уделил особое внимание.

В первой главе книги Мирау публикует автобиографию Есенина 1922 г., дополняя ее письмом сестры Екатерины, посвященным воспоминаниям о доме и детстве, развенчивая таким образом один из

главных мифов – о крестьянском происхождении поэта, активно поддерживаемых им самим. Мирау пишет, что отец Александр Никитич никогда не был крестьянином, а, будучи старшим из шести детей, с тринадцати лет работал в мясной лавке купца Крылова в Москве. В подтверждение этих слов автор приводит рассказ матери Есенина, в котором она сообщает, что его отец ни разу правильно не запряг лошадь, он уехал в город, потому что с сельским хозяйством у него ничего не получалось [Там же. S. 20].

Развитие образа Есенина прослеживается автором немецкой биографии в первом опубликованном сборнике стихотворений «Радунница» (1916), в котором он сам представлял себя «не как пастуха, усердно чествовавшего в нем, а как пилигрима, кроткого, очаровывающего странника» [Там же. S. 76]. Сквозь призму высказываний друзей и соратников поэта Мирау отражает один из ярчайших в эволюции Есенина скифский период. Так, например, В. Чернявский отмечает: «Но была в нем большая перемена. Он казался мужественнее, выпрямленнее, взволнованно-серьезнее. Ничто больше не вызывало его на лукавство, никто больше не рассматривал его в лорнет, он сам перестал смотреть людям в глаза с пытливостью и осторожностью. Хлесткий сквозняк революции... освободил в нем новые энергии...» [Там же. S. 108].

Встреча с А. Дункан перевернула жизнь Есенина. Возможность увидеть и показать себя западу и Америке породила у поэта амбиции по завоеванию мира, Дункан же стремилась покорить Россию. «Я еду на Запад для того, чтобы показать Западу, что такое русский поэт», – говорил Есенин [Там же. S. 248], поэтому в Европе он хотел выглядеть крестьянским парнем, выигравшим славу больших городов и любовь танцовщицы, привносящим мягкий мятеж русским, хулиганом-денди с востока, научившим скучно воспитанную Европу танцу со свистком [Там же. S. 252]. Воплотить этот образ, который со временем превратился в еще один биографический миф, поэту удалось, именно таким его увидели за границей. Непростые для Есенина 1924–1925 гг. Мирау описывает с чувством сопереживания и уходит от внешних перемен в фигуре поэта к его внутренним перипетиям. Последняя глава заканчивается сухой констатацией факта самоубийства Есенина, что вызывает недоумение у читателя, привыкшего к более живому повествованию. Причины и версии произошедшего, отклик современников на случившуюся трагедию

Мирау дает в семидесятистраничном эпилоге, по объему превосходящем многие главы.

Эпилог посвящен жизни поэта после смерти. Мирау знакомит читателя с эдиционной историей Есенина в России, термином «есенинщина», литературоведческими исследованиями и их авторами, касается англо-, франко- и немецкоязычной рецепции поэзии. Особое внимание Мирау уделяет интермедийному аспекту в восприятии творчества Есенина: автор приводит отрывок из постановки шведского драматурга К.В. Аспенстрема (K.W. Aspenström, 1918–1997) «Мне надо в Берлин» («Ich muss nach Berlin»). Пьеса посвящена встрече С.А. Есенина и А. Дункан в Берлине, которая должна стать последней. Герои сидят в отеле за длинным столом напротив друг друга и ведут разговор, который заканчивается ссорой. Айседора упрекает поэта в том, что он ничего и никого не любит, кроме своей поэзии: «Твоя голубая Русь была только предлогом, чтобы пребывать в меланхолии. Ты не настоящий революционер!» [5. S. 481]. Эта реплика Дункан в своем роде является характеристикой восприятия поэзии Есенина и его самого в Швеции.

Итальянская интермедийная рецепция воплощена в постановке Л. Натоли (L. Natoli), автора, режиссера и исполнительницы главной роли. Пьеса «К Есенину» посвящена противоборству, превращающемуся в прощание: последняя ночь в отеле «Англетер», двенадцать картин, двенадцать расставаний с отсылкой к поэме А.А. Блока. Есенин представлен анархистом, нарциссом, денди. Натоли называет поэта первым настоящим диссидентом советской истории и «мастером, заплатившим за качество своей поэзии исчезновением и замалчиванием („Verschwinden und Verschweigen“), не служившей политике» [Там же. S. 476]. В Германии Есенина привлекли внимание композиторов: Мирау называет имена П.-Х. Дитриха (P.-H. Dittrich), Ф. Шенкера (F. Schenker), Р. Бредемайера (R. Bredemeyer), Л. Зела (L. Sell), которых стихотворения русского поэта вдохновили на создание музыкальных произведений.

Известный немецкий художник П. Хольц (P. Holz) создал графику «August Lemke, unser Knecht», на которой изобразил борозды поля среди строк стихотворения Есенина «Осень» (1914). Таким образом, представленный мировой контекст рецепции Есенина

на отражает его популярность и востребованность за границей. Биографический миф о дендизме, культивируемый поэтом, нашел проявление в иноязычных рецепциях. Сбор информации о переводческом и интермедиальном восприятии поэта за рубежом позволяет говорить о большом значении исследования Мирау для отечественного и мирового литературоведения.

Книга, написанная в научно-популярном стиле, предназначена для широкого круга читателей, что создает ей большое преимущество по сравнению с другими исследовательскими немецкоязычными работами, отличающимися сухим научным повествованием. Данную мысль отражают и слова рецензента: «Фритц Мирау описывает эту жизнь не идеализируя, но с долей личного участия, не классифицируя, но с основательностью. Данная книга отчасти подводит итог нашего столетия: полная трагизма жизнь поэта являет собой слепок той эпохи, разрушительные последствия которой можно наблюдать по сей день» [5. S. 556]. Действительно, время, в которое жил и творил Есенин, было богато судьбоносными для русской нации событиями, однако и время создания книги Мирау нельзя назвать простым. Как указывает сам автор, работа велась в течение двух лет – с 1988 по 1990 г. То есть создавалась биография Есенина в еще разделенной Германии, опубликована же в 1992 г. в объединенной стране. Стоит отметить, что издание лишено политической окраски, характерной для восприятия Есенина в ГДР.

Книга Мирау – не только биографическое творение, но и своеобразный сборник переводов, включающий восемьдесят три произведения, которые отражают все периоды творчества Есенина. Автор опирается на пять изданий переводов русского поэта в Германии, опубликованных с 1958 по 1988 г. Авторами выступают П. Целан (P. Celan), А. Эндлер (A. Endler), Э. Эрб (E. Erb), К. Дедедиус (K. Dedecius), А. Кристоф (A. Christoph). Произведения вплетены в канву повествования, не нарушая его хода, помогают читателю глубже понять судьбу и творчество С.А. Есенина.

Издание Мирау стало поводом к созданию новой авторской истории о взаимоотношениях С.А. Есенина и А. Дункан. Немецкий публицист и журналист К. Штерн (C. Stern, 1925–2006), писавшая о политических деятелях, режиссерах, актерах театра и кино, в 1993 г. познакомилась с произведениями А. Мариенгофа «Роман

без вранья»¹ и «Роман с друзьями»² на немецком языке. Пораженная живым описанием литературной жизни в Москве в послереволюционные годы и особенно «сцен, в которых Мариенгоф описывает дружбу с Есениным и его историю любви с А. Дункан» [8. S. 171], К. Штерн обратилась к немецкоязычным источникам, посвященным жизнеописанию Есенина. Такими изданиями оказались сочинения Ф. Мираву – «Sergej Jessenin» и «Russen in Berlin 1918–1933» [9]. Эти четыре книги стали основой для замысла истории о русском поэте и американской танцовщице. Уже позже К. Штерн изучила литературу об А. Дункан: первая публикация о танцовщице на немецком языке вышла в свет после ее смерти в 1928 г. и переиздана в 1988 г., однако издание не затрагивает времени, проведенного в Москве и в поездках по Европе с Есениным. К. Штерн называет использованные авторитетные американские источники, авторами которых являются И. Дункан (I. Duncan), И. Шнайдер (I. Schneider), Г. Маквей (G. McVay). Таким образом, возникший интерес к персоне С.А. Есенина и отсутствие немецкоязычных публикаций о времени, проведенном А. Дункан в России, стали определяющими факторами при создании К. Штерн сочинения «Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin».

Книга написана в публицистическом ключе и имеет цель увлечь, заинтересовать читателя, в том числе за счет эгодокументов. Эпиграф – отрывок из поэмы «Черный человек» – представляет Есенина и Дункан в интерпретации самого поэта: «Был человек тот авантюрист, // Но самой высокой // И лучшей марки. // Был он изящен, // К тому ж поэт, // Хоть с небольшой, // Но ухватистой силою, // И какую-то женщину, // Сорока с лишним лет, // Называл скверной девочкой // И своею милою» [8. S. 7]. Подобный текст выполняет две функции: служит завязкой в истории взаимоотношений двух известных личностей, а также знакомит читателя с творчеством Есенина. Названия глав выполняют не только номинативную функцию, но и напрямую отражают их содержание: «Ангел и демон. Встреча с Москвой», «“Моя религия – это танец“. Мечты Айседоры», «“Я только лишь бродяга“. Мир Сережи», «“Единственное, чего

---

¹ *Roman ohne Lüge* / Anatoli Marienhof. Aus dem Russ. von Ilse Tschörtner. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1992. 211 S.

² *Roman mit Freunden* / Anatoli Marienhof. Aus dem Russ. von Eva Rönnau. Berlin: Verl. Volk und Welt, 1993. 318 S.

я ждал“. Счастье на Пречистенке», «“Дарите нам тарелки, кастрюли, сковороды“. Свадьба», «“Черная невеста тоски“. Отъезд в Западную Европу», «Супруг-принц эксцентричной принцессы. Скандал в США», «“Я возвращаю этого ребенка“. Расставание», «“До свиданья, друг мой, до свиданья“. Последние годы», «Je vais a la gloire». В повествование вплетены стихотворения Есенина и фотографии персонажей, которых значительно меньше по сравнению с книгой Мирау, однако они дают общее представление и определенный комментарий описываемому. Как отмечает К. Штерн, цитируемые двенадцать произведений отобраны из трехтомного собрания сочинений Есенина¹, опубликованного в Германии в 1995 г. Автор также уточняет, что с помощью этого издания немецкий читатель впервые может получить наиболее полное представление о значении великого русского лирика. Отобранные К. Штерн произведения представлены в переводах Ф. Болгера (F. Bolger), А. Бостроэм (A. Bostroem), П. Целана, В. Фишера (W. Fischer), Р. Питраса (R. Pietraß), Э. Руге (E. Ruge).

Образ Есенина, которому Ф. Мирау уделил большое внимание, в книге К. Штерн также занимает важное место, однако он соотнесен с фигурой А. Дункан, персонажи даны в равновеликом объеме, а само повествование является более детальным и «личным». Автор называет героев по именам – Айседора и Сергей, часто Сережа. Начав с описания их первой встречи в ателье художника Якулова, Штерн переходит к рассказу о жизни и роде деятельности сначала Дункан, затем и Есенина. Их совместная жизнь, путешествие по Европе и Америке, закончившееся разрывом, продолжают повествование. Гибель персонажей с разницей почти в два года, память о них до настоящего времени завершают книгу. К. Штерн подчеркивает большую значимость и вместе с ней равновеликость представителей русской и американской культур: «В представлении о русской литературе высоко ценятся произведения Сергея, а в истории театра большими буквами стоит имя Айседоры» [8. S. 168].

Наконец, издание «Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin», написанное без использования русскоязычных ис-

---

¹ *Gesammelte Werke*. Herausgegeben von Leonhard Kossuth. Gedichte. Poeme. Prosa. Aufsätze. Briefe. Autobiografien // Sergej Esenin. Gedichte. Verlag Volk und Welt. Berlin, 1995. 3 Bände.

точников, представляет собой детальное описание двух лет жизни С.А. Есенина (1921–1923 гг.). Опора на весомый труд Ф. Мирау и переводы романов А. Мариенгофа позволили К. Штерн достоверно передать события, происходившие в жизни русского поэта и американской танцовщицы, и показать культурно-исторический, политический пласты 20-х гг. XX в. Книга представляет собой синтез мемуаров и публицистики, обеспечивающий легкое, непринужденное чтение. Отсылка к трехтомному собранию сочинений Есенина и его биографии в представлении Ф. Мирау вписывает сочинение Штерн в определенный немецкоязычный контекст русского поэта. Интерес к взаимоотношениям Есенина и Дункан заложил основы для дальнейшей работы К. Штерн по описанию романтических историй выдающихся личностей. Книга «Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin» стала первой в данной серии, которую продолжили рассказы о Х. Вайгеле¹ и Б. Брехте¹, Г. Грюндгенсе и М. Хоппе².

Спустя двенадцать лет, в 2008 г., рассказ о С.А. Есенине и А. Дункан продолжила историк театра Н. Штюдемман (N. Stüdemann) – аспирантка Свободного университета Берлина, работающая над темой «Призраки. Фигуры медиальной рефлексии. Фигуры непредставимые». В книге «Dionysos in Sparta: Isadora Duncan in Russland; eine Geschichte von Tanz und Körper» она во главу угла ставит А. Дункан, ее философию танца и реализацию этой философии в России. Точка зрения автора находится в сфере истории театрального и танцевального искусства в России и Европе. Хотя данная работа в отличие сочинений Ф. Мирау и К. Штерн является научно-исследовательской монографией, упоминание Есенина важно с точки зрения воплощаемого им образа для человека, далекого от русской литературы: «необузданный крестьянский сын и декадент, опьяненный богемой, – эти две опасности воплотились в личности поэта Сергея Есенина, первого официального мужа Дункан» [10. S. 115]. Описание передает поверхностное стереотипное представление о Есенине, не отражает всей сложности его поэтической натуры и вместе с тем реализует биографический миф, созданный самим поэтом для Запада.

---

¹ *Männer lieben anders*. Helene Weigel und Bertolt Brecht. Berlin: Rowohlt, 2000.

² *Auf den Wassern des Lebens*. Doppelbiographie von Gustaf Gründgens und Marianne Hoppe. Köln: Verlag Kiepenheuer und Witsch, 2005.

Первая встреча героев дана в интерпретации австрийского писателя Р. Фюлопа-Миллера (R. Fülöp-Miller). Н. Штюдеман обращает внимание на танец Есенина и Дункан как признание в симпатии друг к другу и считает, что именно танец стал средством их общения, так как общим языком они не владели. Несмотря на научно-исследовательский характер работы Н. Штюдеман, в тексте встречаются тринадцать фотографий, на одной из которых запечатлены Есенин и Дункан во время путешествия по Европе. Цитат из наследия русского поэта автор не приводит. Своеобразным выводом служат слова Штюдеман о том, что в то время как Есенин был культовой фигурой безудержной в танце молодежной богемы, Дункан для советской общественности стала, подобно Луначарскому, первопроходцем упорядоченного праздника [10. С. 117]. В этой фразе отмечается значение обеих фигур, однако образ Дункан воплощает в себе положительное величие, а образ Есенина отрицательное.

В своем исследовании Н. Штюдеман сосредоточена в большей степени на фигуре спутницы Есенина, внесшей не меньший вклад в развитие танца и театрального искусства, чем русский поэт – в поэтическое творчество своей эпохи. Опосредованное восприятие Есенина не отражает всей сути его личности и совсем не затрагивает его творчества, что не может не исказить образ поэта, предстающего в итоге как тот самый продукт массовой рефлексии в эпоху медальности, типология которого занимает автора в ее научных изысканиях. Однако цель ее работы заключалась в интерпретации философии танца Дункан и его реализации в СССР, что само по себе отличает монографию Штюдеман от других книг, посвященных жизнеописанию поэта. Важным является и тот факт, что исследовательница опирается на англоязычную версию взаимоотношений Есенина и Дункан Г. Маквея, сочинения Ф. Мирау и К. Штерн Штюдеман не упоминает.

Три проанализированных издания демонстрируют, прежде всего, высокий интерес к личности С.А. Есенина в Германии, который достиг своего апогея в 1990-е гг. и не угасает до сегодняшнего дня. Книга Ф. Мирау представляет собой синтез биографического, переводческого, культурно-исторического и рецептивного дискурсов, что делает ее уникальным и беспрецедентным немецкоязычным исследованием о русском поэте. Наблюдение внутреннего и внешнего

роста Есенина, «разоблачение» его биографических мифов, изображение, прежде всего, как человека, жившего в непростом общественно-политическом времени и пространстве, создают живой и во многом достоверный образ, заполняя многие лакуны жизнеописаний поэта. Многочисленные письма, рассказы друзей и современников пронизывают повествование и рождают у читателя чувство сопричастности описываемым событиям. Благодаря своей полноте жизнеописание Мирау стало основой для создания мемуарно-публицистического сочинения К. Штерн, посвященного конкретному периоду жизни С.А. Есенина – времени с А. Дункан. Издание К. Штерн представляет образ русского поэта в самом привлекательном для массового читателя и интригующем сюжете из личной жизни. В начале XXI в. подобные издания приобрели симптоматичный характер: многие эпизоды из частной жизни классиков стали предметом внимания публицистов и широкой аудитории. Результатом такой работы становится упрощенное представление, приближение к читателю, интериоризация образа писателя-человека. Н. Штюдеман, исследуя философию искусства А. Дункан, возвеличивает ее и во многом недооценивает С.А. Есенина, тем самым автор оказывается под влиянием творимого поэтом мифа о своем хулиганстве и дендизме. Таким образом, три жизнеописания Есенина, являясь разными по своей сути, создают образ поэта на рубеже веков. Они затрагивают различные аспекты его биографии, что создает их высокую ценность и отражает интерес современного немецкоязычного автора и читателя к личности и творчеству Есенина. По понятным причинам выкристаллизовавшийся в Германии биографический миф о русском поэте, связанный с его путешествиями по Европе и браком с известной американской танцовщицей, стал ядерным сюжетом во всех трех немецкоязычных жизнеописаниях Есенина. Сопоставление биографий поэта выявило стирание канонов научного и публицистического стилей, ориентацию на широкую публику, что соответствует вектору развития современной околобиографической литературы.

Литература

1. *Томашевский Б.В.* Литература и биография // Книга и революция. 1923. № 4 (28).
2. *Магомедова Д.М.* «Я один... И разбитое зеркало...»: Литературные маски Сергея Есенина. Статья первая // Новый филол. вестн. 2005. № 1.

3. *Мешков В.А.* Убийство Есенина – преступление государства. Сергей Есенин – крыmsкие страницы. Симферополь: Бизнес-Информ, 2013.
4. *Гибель поэта* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.esenin.ru/oesenine/gibel-poeta>, свободный.
5. *Sergej Jessenin / Fritz Mierau.* Leipzig: Reclam, 1992.
6. *Reller G.* Ohne Lehrstuhl, Doktorhut und Parteibuch [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.reller-rezensionen.de/belletristik/mierau-mein_russisches_jahrhundert.htm, свободный.
7. *Mierau F.* Mein russisches Jahrhundert. Autobiografie. Hamburg: Edition Nautilus, 2002.
8. *Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin / Carola Stern.* Berlin: Rowohlt, 1996.
9. *Mierau F.* Russen in Berlin 1918–1933. Leipzig: Reclam, 1991.
10. *Dionysos in Sparta: Isadora Duncan in Russland; eine Geschichte von Tanz und Körper / Natalia Stüdemann.* Bielefeld: Transcript, 2008.

GERMAN BIOGRAPHIES OF S. YESENIN.

Imagology and Comparative Studies, 2014, 2, pp. 154–167. DOI 10.17223/24099554/2/10
Nikonova Natalia Ye., Khilo Ekaterina S. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru; ekaterinahilo@mail.ru
Keywords: S. Yesenin, biography, biographical myth, F. Mierau.

The biography, which is primarily a literary genre, realizes the purpose of acquaintance with the primary sociological information of a specific person. Among writers and poets, it is common to encounter such a concept as the biographical myth which L.M. Magomedova defined as an initial subject model which receives an ontological status in the consciousness of a poet, which they consider as a scheme of their own destiny, which they constantly correlate to all events of their life, which transforms diversely in their works. When speaking about S. Yesenin, the most obvious mythological myth cultivated by the poet is his peasant origin and the image of a hooligan which found reflection in the German-speaking reception.

Interest to S. Yesenin in Germany has reached the apogee in the 1990s and is still topical. The book *Sergej Jessenin* by F. Mierau represents a synthesis of biographic, translation, cultural, historical and receptive discourses; this makes it a unique and unprecedented German-speaking research about the Russian poet. The observation of the internal and external growth of Yesenin, "exposure" of his biographical myths, his image, first of all, as a person living in hard political time and space create a live and, in many respects, reliable image filling many gaps of the biographies of the poet. Numerous letters, stories of friends and contemporaries penetrate the narration and give rise to the feeling of participation in described events in the reader's mind. Thanks to its completeness, Mierau's biography became a basis for creation of the memoirs and publicistic composition of C. Stern *Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin*, devoted to a concrete period in S. Yesenin's life – his time with I. Duncan. The edition by C. Stern represents the image of the Russian poet to the mass reader in the most attractive and intriguing plot of his private life. At the beginning of the 21st century similar editions became symptomatic: many episodes of the private life of the classics became a subject of attention of publicists and wide audience. Simplified representation, reader-friendly approach, interiorization of the image of the writer as a person become the result of such work. In his monograph *Dionysos in Sparta: Isadora Duncan in Russland; eine Geschichte von Tanz und Körper*, N.

Stüdemann investigates the art philosophy of I. Duncan, glorifies her and, in many respects, underestimates S. Yesenin; thereby, the author is influenced by the myth Yesenin created about his own hooliganism and dandyism. Yesenin's three biographies, being different in essence, create an image of the poet at the turn of the century. They mention various aspects of his biography, which creates their high value and reflects the interest of the modern German-speaking writer and the reader in the personality and creativity of Yesenin. The biographical myth about the Russian poet, which has taken shape in Germany, connected with his travel across Europe and marriage with the known American dancer, becomes a core plot in all the three German-language biographies of Yesenin.

References

1. Tomashevsky B.V. *Literatura i biografiya* [Literature and biography]. *Kniga i revolyutsiya*, 1923, no. 4 (28).
2. Magomedova D.M. "Ya odin... I razbitoe zerkalo...": Literaturnye maski Sergeya Esenina. Stat'ya pervaya ["I am alone ... and a broken mirror ...": The literary masks of Sergei Yesenin. Article One]. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 2005, no. 1.
3. Meshkov V.A. *Ubiystvo Esenina – prestuplenie gosudarstva. Sergey Esenin – krymskie stranitsy* [The assassination of Yesenin – the state crime. Yesenin, the Crimean pages]. Simferopol': Biznes-Inform Publ., 2013. 189 p.
4. *Gibel' poeta* [The death of the poet]. Available at: <http://www.esenin.ru/o-esenine/gibel-poeta>.
5. Mierau F. *Sergej Jessenin*. Leipzig: Reclam, 1992.
6. Reller G. *Ohne Lehrstuhl, Doktorhut und Parteibuch*. Available at: http://www.reller-rezensionen.de/belletristik/mierau-mein_russisches_jahr-hundert.htm.
7. Mierau F. *Mein russisches Jahrhundert. Autobiografie*. Hamburg: Edition Nautilus, 2002. 316 p.
8. Stern C. *Isadora Duncan und Sergej Jessenin: der Dichter und die Tänzerin*. Berlin: Rowohlt, 1996. 172 p.
9. Mierau F. *Russen in Berlin 1918–1933*. Leipzig: Reclam, 1991. 611 p.
10. Stüdemann N. *Dionysos in Sparta: Isadora Duncan in Russland; eine Geschichte von Tanz und Körper*. Bielefeld: Transcript, 2008. 161 p.